

Полёвка Гришка

палатках. Но способность впадать в анабиоз надолго, когда тебе уже перевалило за пятьдесят, утрачивается. Остаётся чтение и аудиокниги. Плеер у меня с собой. Аудиокниги — хорошее средство против депрессии в непогоду.

Хотя моя нынешняя жизнь на таёжную походит слабо. На другом берегу Вишеры светит огнями Вёлс, работает дизель. А днём появляются вёлсовские мужики и хозяин моего временного приюта — Виктор Шевченко. Минувшим летом прошла сильнейшая буря и наломала много деревьев по тайге. Вот мужики и убирают этот ветровал.

Мыши

Есть рядом со мной и ещё один жилец — рыжая полёвка, которую я окрестил Гришкой. В первую же ночь он как-то умудрился забраться в полиэтиленовый пакет с котелком и долго там шуршал. Когда я проснулся и по злобе хотел пристукнуть несносного грызуна, зверёк в последний момент ускользнул. Вскоре обнаружилась ещё одна Гришкина проделка: он весьма добросовестно обгрыз силиконовый чехол плеера. Теперь защитить от влаги аппарат было нечем. Вот и думай, чего мы, люди, так не любим мышей?

Строго говоря, Гришка никакая не мышь. Полёвка и мышь — разные семейства грызунов. Полёвки отличаются значительно более коротким, чем у мышей, хвостом. К тому же хвост покрыт шерстью. В целом весьма симпатичное создание с глазками-бусинками.

Видимо, в нас подсознательно живёт страх перед тем злом, которое могут принести грызуны. Полёвки являются завсегдатаями таёжных зимовий и носителями группы вирусов, вызывающих геморрагическую лихорадку. Всегда есть риск заполучить эту неприятность или другие инфекционные болезни. Мне по Дальнему Востоку известна печальная быль о двух охотниках, которые ушли на свой участок и погибли. В своём зимовье они заразились геморрагической лихорадкой и не смогли выбраться.

Однако злость на Гришку как-то улетучилась. Он так доверчиво подбежал к печеню, упавшему на пол, а потом забрался на мой сапог. Удивил и Виктор, бросивший на пол сухарь со словами: «Пусть на полу грызёт, а поверху не бегает». Я согласился. Вечером, наблюдая за тем, как Гришка борется с сухарём, я сфотографировал зверька.

Но на этом приключения с полёвкой и сухарём не закончились. Ночью я встал по «зову природы», сунул ноги

в старые меховые сапоги и сразу ощутил, что один из них уже занят. Гришка решил, что моя обувь — самое подходящее место для хранения бесценного сухаря. Я вытряхнул сухарь и отправился на улицу. Однако я не особо удивился, когда через какое-то время обнаружил сухарь в другом сапоге. Пришлось поднимать обувь на табурет.

Сухарь Гришка окончательно пристроил только следующей ночью. Он долго грохотал им за кучей поленьев. Когда я заглянул туда, то обнаружил норку, прогрызенную в стенке, и Гришку, пытающегося протаскать добычу в своё жилище. Бедняга толкал сухарь то одним боком, то другим, но ничего не получалось. Только после длительных обгрызаний выпирающих частей продукт ушёл в закрома запасливой «мышы».

Пуночки

Мокрый снег шёл уже три дня. Пуночки были рядом. Они взлетали с берега, когда я ходил за водой, иногда даже садились возле приютившего меня дощатого домика. Но снимать было нельзя. Оптика и дождь — вещи несовместимые.

На четвёртый день снег пошёл редко, и я решил сделать круг по окрестностям с расчехлённым телеобъективом. Первый кадр не заставил себя ждать. Стайка из 16-ти пуночек уселась в 10 метрах от меня на каменистую отмель берега Вишеры. Затвор щёлкнул два-три раза, и птицы, сообразив, что они сидят рядом с человеком, снялись и улетели в неизвестном направлении.

После первых кадров я бродил ещё несколько часов в поисках пуночек и крупную стаю — около 60 птиц — видел несколько раз. Но, как и в те времена, когда я постоянно видел их в Приамурье, арктические птицы вели себя настороженно: подпускали не ближе пятидесяти метров и взлетали.

Птицы кормились на засохшей траве, где быстро и ловко склёвывали какие-то семена. Я сделал ещё несколько дальних кадров и ломал голову над тем, как же подобраться к «снежным воробьям». Так их называют, хотя к воробьям пуночки никако-